

**ВОЙНА**

Цѣна отд. № 15 коп.

На ст. жел. д. 20 коп.

**НОВЫЙ**

# САТИРИКОН

№ 2

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916

7 ЯНВАРЯ

Рис. Ре-Ми.



## РАЗСУДИТЕЛЬНОСТЬ.

*Начальникъ* (заканчивая анекдотъ): ... А еврей и говорить: „я уже кушаль!“

Пауза.

*Начальникъ*: — Почему же вы не смѣетесь?

*Подчиненный*: — Зачѣмъ? Все равно, 21-го я уже подаю въ отставку!..





## ТИПЫ „ЗВОНАРЕЙ“.

(По свѣдѣніямъ „Р. З.“)

### № 1-й.

Съ триумфомъ выгнанный изъ четырехъ гимназій  
За тупоуміе и кучу безобразій,  
Онъ началъ промышлять газетнымъ шантажомъ,  
Разоблачаемъ былъ, порой, но беззаботно  
Подсмѣиваясь, ускользалъ ужомъ,  
Пока его не прищемили плотно.  
Тогда — покался. Былъ отчески прощенъ.  
И вотъ, теперъ на колокольнѣ онъ.

### № 2-й.

Парень видный: статный, ражій,  
Удалая голова.  
Многотысячныя кражи —  
Амплуа.  
Былъ жильцомъ «Крестовъ» невольнымъ,  
Но покался, и вотъ,  
Въ славномъ цехѣ колокольномъ  
Главнымъ мастеромъ слыветъ.

### № 3-й.

Въ глазахъ — хрусталь невинности,  
Въ движеніяхъ — волны граціи;  
Ускользнулъ отъ воинской повинности,  
Обокралъ студенческія организаціи.  
Былъ выкинутъ изъ общества,  
Путь прежній трудень сталъ ему...  
Въ звонарное сообщество  
Пришлось толкнуться малому!

### № 4-й.

Былъ когда-то повѣреннымъ,  
Присвоилъ деньги кліента  
И сталъ человѣкомъ потеряннымъ  
Съ этого момента.  
Днемъ и ночью вино лакалъ,  
Запивая все дольше и дольше,  
Пропилъ все и пошелъ въ «ко...нкурирующій органъ»,  
Ибо некуда уже было идти больше!...

Василій Князевъ.

## ВЪ ХОРОШЕМЪ ОБЩЕСТВѢ.

(Монологъ.)

— Не знаю, батюшка, не знаю, можетъ быть, конечно, тамъ все это и очень хорошо написано, и «Панъ Халявскій» и «Сирена», и «Старосвѣтскіе помѣщики», и прочее тамъ, а только и теперъ все это можно не хуже написать, только талантовъ теперъ мало... Говорятъ, нервный вѣкъ, общій катарръ желудка, и прочее тамъ, и даже аппендицитъ. Ъсть, говорятъ, теперъ не умѣютъ. Разучились. А я вамъ скажу: «нѣтъ» и «нѣтъ», и спорить со мною совсѣмъ-таки не совѣтую. Человѣкъ, съ головой, который — и теперъ не хуже любого «Пана Халявскаго» поѣсть можетъ, и даже почище.

— Нуте!... Пригласили меня на той недѣлѣ къ купцу Селиванову на именины. Честь, конечно, не малая, а только какъ поили!... Какъ кормили!... Этого, я думаю, перомъ и описать невозможно. Словъ нѣтъ такихъ въ человѣческомъ языкѣ. Не имѣется, нѣтъ такихъ словъ!...

— Три стола и всѣ «съ аншлагомъ», какъ говорится. Биткомъ-съ! Господи, Бож-ж-же Ты мой, и чего только тамъ не было?!

— Ладно!... По первопутку долбанули мы по холодной, какъ волна Ледовитаго Океана, рюмочкѣ политурки. Такъ по сердцу и пошло, и пошло. Блаженство эдакое невыразимое, эллинское. А ты ее тотъ же секундъ солененькимъ груздочкомъ и накрой, да селечкой съ горячимъ картофелемъ

въ укропѣ. А послѣ картофеля тутъ же вторая приспѣла, но уже послѣ второй паюсная икорка, растертая со шпротиной-рыбой и облитая лимонной кислотой. А ужъ послѣ сего подали знаменитый селивановскій борщъ!

— Ахъ! Да что!.. Нѣтъ такихъ словъ и не будетъ! Для этого борща Диккенса надо или Айвазовскаго, примѣрно. А за борщомъ, конечно, пошло жаркое... Баранинка! И жиръ изъ бараньяго хвостика такой ароматъ испускаетъ, что невозможно безъ сладострастнаго содроганія и нюхать его. И картошечка такими рыхлыми ломтиками и жиромъ пропиталась, и политурку покрываетъ она самымъ такимъ нѣжнымъ дѣвическимъ флеромъ.

— Потомъ пошла рыба. Политурка, она къ рыбѣ совсѣмъ нейдетъ. Къ ней денатуратъ подходит. И вотъ прикладываешься ты къ такому зелененькому стаканчику, а передъ тобой холодный судакъ съ хрѣномъ, да съ лимончикомъ, да съ кореньями. А за второй, семушка архангельская, да осетринка каспійская, да севрюжка бѣломорская... А за ними, — по третьей, то-есть, — ушица изъ стерлядей. Передъ ухой, я вамъ скажу, можно и по два стаканчика двинуть, — ничто такъ не подходитъ къ денатурату, какъ ушица изъ астраханскихъ стерлядокъ.

— Къ кашамъ разнымъ опять можно политурки тронуть. Но не больше, какъ рюмашечки по три, и то ежели при этомъ лучокъ съ помидорцами еще не убрали со стола, икорка еще красуется, и есть прочіе другіе деликатесы.

— А послѣ такого обѣда, когда ужъ изъ-за стола, собственно, и встать невозможно, то переходить надо къ чемунибудь легкому. Ну, дамамъ тамъ, барышнямъ, вообще подросточкамъ, мадера тамъ, если, конечно, есть, а мужчинамъ у Селиванова за особымъ столомъ надо на одеколонъ переходить. И стоитъ тамъ, на томъ столѣ, столько флакончиковъ, что глазъ разбѣгается и въ рукахъ начинается эдакая сладостная дрожь и поджилки въ ногахъ приходятъ въ трепетаніе. А около флакончиковъ а ля фуршетная закусочка. И вотъ тутъ-то и надо голову имѣть и воспитаніе не копеечное, чтобы не осрамиться, а знать, что къ чему и что чему соотвѣтствуетъ. Иная невѣжда, конечно, съ мѣста въ карьеръ «Divinia», на примѣръ, Ралле закусить сосиской или пельмешками подъ сыромъ, а «Хризантемы» Брокера груздочкомъ или икрой.

— Э, батюшки-свѣты! И до чего же все это тонко рассчитано! Сидѣлъ я рядомъ съ псаломщикомъ отъ Воздвиженья, такъ я все за нимъ. Что онъ, то и я... Воспитанный человѣкъ, тонкій, все понимаетъ, небось, такой и у важнаго графа самъ себя не уронить. Вы вотъ, примѣрно, растеряетесь, коли передъ вами поставятъ «Резеду». То-то и оно! А онъ понимаетъ, что ее надо пельмешками покрывать, а затѣмъ немедленно кускомъ гуся съ яблокомъ. «Японскій Тюльпанъ» Чепелевецкаго обязательно требуетъ пирожка съ сагой и рыбой, пирожка съ морковкой и немедленно за симъ — миногу.

— «Вербена» Брокера — легкіе нѣжные духи, и закуски просить соотвѣтственной: спервоначалу сардинки съ икоркой на тоненькомъ ломтикѣ съ лимономъ, засимъ кусочка свинины или поросеночка, а ужъ потомъ кулебяки, кусочка размѣра средняго.

— Ежели, примѣрно, желательно кому маленькое лампопо сдѣлать, ну тамъ «Ландышъ», примѣрно, съ «Фіалкой» смѣшать, или «Идеаль» съ «Сѣверными духами», то надо брать пикули и кусокъ тешки въ соѣ, или осетринки въ хрѣну. Лампопо «Снѣжинка» съ «Ренессансомъ» обязываетъ къ пирожку съ рыбой и лукомъ, къ десяточку килекъ и къ лимбургскому сыру. Невредно послѣ этого дичинки: уточки тамъ, индошки или гуся.

— Смѣшивать «Moderne» съ «Корилописомъ» никакъ невозможно. Развѣ только желудокъ какой луженый и хорошо поставленный, или въ ногахъ твердость хорошая.

— Вотъ у самого Селиванова, то-есть, это даже удивительно. Семнадцать гостей въ санитарной каретѣ къ



Маріи Магдалинѣ отпавиль, а самъ ни въ одномъ, то-есть, глазу.

— Я ужъ только послѣ «Moderne'a» качаться началъ, а онъ хоть бы что. Отопъется на кухнѣ керосиномъ, и опять ни въ одномъ глазу. Большая голова, и свѣжая голова!.. А вы мнѣ на «Пана Халявскаго»... Тьфу!

Евг. Вѣнскій.

### ОЗВѢРѢВШИЕ ТЕВТОНЫ.

Въ модномъ магазинѣ.

Дама: — Почему эти кружева такъ дороги?

Приказчикъ: — Помилуйте-съ, всѣ кружевные города нѣмцы сожгли: Брюссель сожгли, Валансьенъ сожгли!...

— Но вѣдь это же имитасьонъ?!

— Сударыня! Они и Имитасьонъ сожгли!...

### МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Я спросилъ у этихъ молодыхъ людей, что они дѣлаютъ.

— Мы любимъ другъ друга. — Тихо отвѣтили они.

— Этого мало.

— Мы уже обручились.

— Это не даетъ опредѣленнаго заработка.

— Мы учимся.

— Это отнимаетъ деньги у вашихъ родителей.

— Я зарабатываю самъ, — гордо отвѣтилъ юноша, — я грузчикъ. Такъ какъ я уже на шестомъ семестрѣ и скоро представлю дипломную работу, мнѣ даютъ самые тяжелые мѣшки и платятъ рубль сорокъ копѣекъ.

— А я хочу поступить горничной въ богатый домъ, — сказала дѣвушка, — мнѣ сказали, что одна дама ищетъ грамотную прислугу. Я филологичка и кончила съ золотой медалью.

— Зачѣмъ, собственно, вы пришли ко мнѣ?

— Мы очень извиняемся... Одно попечительство устраиваетъ лотерею для бѣдныхъ и просило насъ помочь... Мы надѣемся, что вы не откажетесь...

\* \* \*

— Это уже шестой звонокъ, — обиженно сказала одинъ знакомый, кладя трубку на столъ, — я даже отвѣчать не хочу. Надоѣло.

— Женщины все?

— Ну, это другое бы дѣло... Какіе-то люди устраиваютъ какую-то лотерею, а я долженъ давать три рубля...

— Это ужасно, — вздохнула его жена. — Сашу такъ беспокоятъ, такъ надоѣдаютъ ему съ этими мелочами...

— Скажите, — спросила я знакомого, — вы никогда не были грузчикомъ?

— Я? Я не знаю, что собственно послѣ такого вопроса...

— Не въ томъ дѣло. А вы?

— Я? Грузчицей?

— Нѣтъ. Прислугой у богатой дамы, которая искала грамотную горничную?

— Я думаю, что послѣ этого...

— Не беспокойтесь, я понимаю. Значитъ, здорово васъ беспокоятъ по телефону? Все трешницы просятъ?

— Если хотите — очень беспокоятъ... И звонятъ, да и приходятъ въ домъ разные, извините...

Дѣйствительно, я обидѣлъ моихъ знакомыхъ. Онъ не былъ въ молодости грузчикомъ. Она никогда не собиралась — въ грамотныя горничныя.

Арк. Буховъ

### БЕЗЪ ДРОВЪ.

Вчера топили книжной полкой,  
Пылала весело она;  
Тестъ раздражался бранью колкой  
И горько плакала жена.  
А я сидѣлъ надъ пыльной грудой  
Осиротѣвшихъ, бѣдныхъ книгъ  
И, чувствуя себя лудой,  
Главою скорбно долу никъ.  
И вотъ огонь уже пылаетъ,  
Печь накалилась: только тронь!  
Но вдругъ... мгновенно угасаетъ  
Всепожирающій огонь!...

Увы, межъ классиковъ, случайно,  
Въ объятія пламени попалъ  
Одинъ, извѣстный чрезвычайно,  
Въ обложкѣ красненькой, журналъ  
Ведомый «толстымъ» беллетристомъ,  
Онъ одержимъ водянойкой былъ  
И матерьяломъ водянистымъ  
Вмигъ пламя яркое залилъ!

В. Кн.

Рис. Н. Р.



### ДУМСКІЯ МЕТАМОРФОЗЫ.

Октябристъ: — Вотъ палка, которую я буду вставлять въ колеса бюджету, — пусть знаютъ!

— Гдѣ же ваша палка, октябристъ?!

— А вотъ въ рукѣ-то, видите... въ карандашикъ она превратилась.

И подписалъ бюджетъ.





### ПАСТОРАЛЬ.

Она: — О, мой лучезарный! (тихо) Да почему жъ вы становитесь не на оба колѣна?  
Онъ: — Да, хорошо вамъ — здѣсь кто-то наплевалъ.

### ЦВѢТОКЪ.

(Ассонансы.)

Есть у меня цвѣтокъ,  
Я его засушилъ на память,  
Не прикоснется къ нему никто —  
Онъ сорванъ святыми руками.

Мнѣ этотъ цвѣтокъ принесла  
Дѣвочка двѣнадцатилѣтняя,  
Когда цвѣла весна, —  
Въ мои именины послѣдняя.

У нея голубые глаза  
И голосъ серебряно-звонкій;  
Мнѣ такъ много хотѣлось сказать  
Въ то мгновенье святому ребенку.

Если бъ я не былъ такъ грѣшенъ,  
Я бы поцѣловалъ малютку,  
Какъ отецъ — заботливо-нѣжно,  
Въ голубые глаза-незабудки...

Когда ушла она,  
Я цвѣтокъ цѣловалъ, какъ безумный,  
И всю ночь ея улыбка небесная  
Озаряла мои горькія думы.

А когда цвѣтокъ почернѣлъ,  
Я его положилъ въ конвертикъ,  
И теперь онъ мнѣ  
Дороже всего на свѣтѣ.

Н. Юрьевъ.

### ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Редакторъ „Вѣстника Знанія“ г. Битнеръ рядомъ съ объявленіемъ о подпискѣ на свой журналъ, какъ рѣка въ половодье, разливадается, какъ ручеекъ, журчитъ, какъ ключъ, звенитъ. Воды, однимъ словомъ, много; но эту воду г. Битнеръ щедро подслащиваетъ сахаромъ и тутъ же самъ и пьетъ столь примитивный напитокъ:

Въ письмахъ, присылаемыхъ по поводу программы будущаго года, я систематически встрѣчаю такого рода фразы: „давайте побольше Вашихъ статей, я такъ ихъ люблю“, „давайте Вашихъ статей“..., „мнѣ ничего не надо въ „Недѣль“, были бы только Ваши бесѣды, но ихъ мало“... и т. д.

Только въ двухъ-трехъ письмахъ я встрѣтилъ настоящее пониманіе положенія: „хотѣлось бы, конечно, и чаще и больше читать Ваши бесѣды, но я понимаю, что и такъ приходится удивляться, какъ Васъ хватаетъ“... „Пожалуйте себя и насъ: вѣдь, если заболѣете отъ переутомленія, будетъ плохо всѣмъ намъ“. „Нельзя такъ расточать свой мозгъ и сердце... Вы насъ избаловали“...

Ну, и что же это за хитрый народъ — подписчики г. Битнера! То есть, какъ ловко обошли простоватаго редактора: не пишите, а то переутомитесь, и мы всѣ лишимся великихъ чудесныхъ статей! „А и въ самомъ дѣлѣ, — думаетъ Битнеръ, — попробую-ка я не писать съ мѣсяць...“

Дѣйствительно, не пишетъ.  
И торжествуютъ хитрыя подписчики.

Кто хочетъ быть исключительно оригинальнымъ?  
Г. Коптяевъ изъ „Вечерн. Биржевыхъ“...  
Всѣ правильно мыслящіе люди обычно утверждаютъ:  
„Волга впадаетъ въ Каспійское море“.  
А Коптяевъ, отбросивъ этотъ шаблонъ, въ рецензій о „Каменномъ Гостѣ“ въ Музыкальной драмѣ смѣло утверждаетъ, что „Донъ-жуанъ впадаетъ въ обыкновеннаго любовника“.  
Правда, и самъ Коптяевъ часто кое во что впадаетъ...





### ЛЮБОВЬ ЗИМОЙ.

Онъ: — Охъ, хорошо бы, чтобы этотъ снѣгъ у нашихъ ногъ сразу растаялъ...

Она: — Ты такъ любишь весну?

Онъ: — Нѣтъ, но я сейчасъ въ снѣгъ медаль за всеобщую перепись уронилъ!...



## ЖЕНЩИНА, НАЙДЕННАЯ НА ПЛОЩАДКѢ.\*)

Разсказъ Аркадія Аверченка.

(Продолженіе.)

## VI.

Вернувшись домой, Подходцевъ и Громовъ застали мирную картину: Марья Николаевна лежала, свернувшись калачикомъ на диванѣ, а Клинковъ читалъ ей какую-то книгу.

— Ну, что? — встрѣтилъ вернувшихся Клинковъ. — Навѣрное, безъ меня никакого толку не вышло.

— Нѣтъ, вышло. Марья Николаевна, сейчасъ вы почите вашего ребенка...

— Неужели, онъ согласился?!

— Видите ли... онъ сначала какъ будто бы былъ противъ, но мы его уговорили.

— Привели, такъ сказать, резоны, — подтвердилъ Громовъ.

— И ваше бѣлье принесутъ, и вещи.

— Какіе вы милые! — воскликнула повеселѣвшая Марья Николаевна, протягивая имъ обѣ руки, которыя они почтительно поцѣловали.

— Важное дѣло — рука, — завистливо сказалъ Клинковъ, отходя къ печкѣ. — То ли дѣло — губы.

— Клинковъ!! — грозно прорычалъ Громовъ.

— Онъ обо мнѣ что-нибудь спрашивалъ? — осведомилась Марья Николаевна.

— Да, — великодушно сказалъ Подходцевъ. — Онъ спрашивалъ: «А какъ ея здоровье?»

— А мы говоримъ, — подхватилъ, бросая на Подходцева благодарный взглядъ, Громовъ, — «Ничего, спасибо, здоровье хорошее». Онъ былъ грустенъ.

И поколебавшись немного, добавилъ:

— Онъ плакалъ.

— Въ три ручья, — беззапѣнчиво поддержалъ Подходцевъ. — Какъ дитя.

— Еще бы, — ввязался въ разговоръ Клинковъ. — Потерять такую женщину... Ручку пожалуйте!

## VII.

Черезъ полчаса горничная принесла два узла съ бѣльемъ и дѣвочку лѣтъ четырехъ. Горничная была заплакана, дѣвочка была заплакана и даже узлы были заплаканы. — такъ щедро облила ихъ слезами вѣрная служанка.

Дѣвочка бросилась къ матери, а Подходцевъ, чтобы не расстрогаться, отвернулся и обратился сурово къ горничной:

— Передай своему барину, что тутъ ты видѣла барыню и трехъ какихъ-то генераловъ съ золотыми эполетами. Скажи, что ты слышала, какъ одинъ собирался ѣхать жаловаться министру на твоего барина.

Когда горничная ушла, Марья Николаевна удалилась съ дѣвочкой въ отведенную для нея комнату, а трое друзей принялись укладываться на диванѣ и кроватяхъ.

Разговаривали шопотомъ:

— Замѣтили, какъ она на меня смотрѣла? — спросилъ Клинковъ.

— Да, — отвѣчалъ Подходцевъ, — съ отвращеніемъ.

— Врете вы. Она сказала, что я напоминаю ей покойнаго брата.

— Очень можетъ быть. Въ тебѣ есть что-то отъ трупа.

— Тиш-ш-ше! — грозно зашипѣлъ Громовъ. — Вы можете ихъ разбудить!

— «Громовъ влюбленъ, или — Дурашкинъ въ первый разъ отдастъ сердце.» Хи-хи...

— Скоты!...

## VIII.

Раннее утро...

Изъ-подъ одѣяла выглянула голова, покрытая короткими черными жесткими волосами. Воробьиные глаза оглядѣлись направо, налево, и толстыя губы лукаво улыбнулись.

Убѣдившись, что товарищи еще спятъ, Клинковъ потихоньку сбросилъ одѣяло, безшумно одѣлся и, неумывшись, сталъ съ замирающимъ сердцемъ прокрадываться къ дверямъ.

Скрипъ запираемой Клинковымъ двери заставилъ показаться изъ-подъ одѣяла вторую голову — съ тонкимъ породистымъ носомъ, задумчивыми голубыми глазами и красными отъ сна щеками, на одной изъ которыхъ оттиснулась прошивка наволочки...

\*) См. № 1.

Громовъ удивленно поглядѣлъ на опустѣвшую кровать Клинкова, полюбавался на спящаго богатырскимъ сномъ Подходцева и, хитро улыбнувшись, началъ одѣваться. Дѣлалъ онъ это какъ можно тише и, когда одинъ ботинокъ стукнулъ громче, чѣмъ нужно, Громовъ даже погрозилъ самъ себѣ пальцемъ. Но Подходцевъ продолжалъ сладко спать — только губами зачмокалъ, будто жуя что-то сладкое...

Послѣ ухода Громова, Подходцевъ пролежалъ не больше пяти минутъ — очевидно, такъ ужъ были спяны эти три человѣка, что не могли ничего сдѣлать одинъ безъ другого — даже проснуться.

Подходцевъ зѣвнулъ, привсталъ на локтѣ, оглядѣлъ пустую кровать и диванъ, задумчиво посвисталъ, одѣлся и, прикрѣпивъ на двери, ведущей въ маленькую комнату, бумажку съ надписью: «Не безпокойтесь, вернемся черезъ полчаса, будемъ пить чай» — ушелъ.

Мирно тикали часы въ затихшей комнатѣ... Минутная стрѣлка пробѣжала не больше двадцати минутъ...

Скрипнула наружная дверь, и плутоватыя выпуклые глаза Клинкова заглянули въ щель. Убѣдившись, что никого нѣтъ, онъ вошелъ въ комнату и развернулъ бывший въ рукахъ большой свертокъ... Полдюжины роскошныхъ желтыхъ хризантемъ выглянули изъ бумаги своими мохнатыми курчавыми головами.

Клинковъ взялъ глиняную вазу съ сухими цвѣтами, выбросилъ ихъ, вставилъ свои хризантемы, налилъ воды, поставилъ это нехитрое сооруженіе на стулъ передъ дверьми маленькой комнаты и, отойдя, даже полюбавался въ кулакъ — хорошо ли?

Умылся, тщательно причесался и, одѣтый, легъ на диванъ.

Когда вернулся Громовъ, Клинковъ представился спящимъ.

У Громова тоже оказался свертокъ — большая игрушечная корова, меланхолично покачивавшая головой.

Громовъ опасливо оглянулся на Клинкова, поставилъ свою корову на другой стулъ около Клинковскихъ цвѣтовъ и, облегченно вздохнувъ, улегся на одну изъ свободныхъ кроватей.

Когда вошелъ Подходцевъ со сверткомъ въ рукахъ, оба сдѣлали видъ, что сладко спятъ, но Подходцева на этотъ дешевый пріемъ никакъ нельзя было поймать...

— Ну, ребята, нечего тамъ дурака валять и закрывать глаза на происшедшее — вставайте!!

Потомъ онъ оглядѣлъ оба стула съ подарками, пожалъ плечами и сказалъ:

— А вы не боитесь, что это животное пожретъ эту траву?

Въ развернутомъ имъ сверткѣ оказались: гребенка, кусокъ дорогого туалетнаго мыла и флаконъ одеколону — онъ и тутъ былъ на высотѣ практичности.

Онъ же разбудилъ и Марью Николаевну, онъ же распорядился насчетъ чаю, онъ же подаль черезъ дверь кувшинъ съ водой, чашку и всѣ свои покупки.

## IX.

Когда свѣжая отъ холодной воды, благоухающая одеколономъ Марья Николаевна въ какомъ-то сиреневомъ кружевномъ пеньюарѣ вышла въ большую комнату, ведя за руку дочь — всѣ ахнули: такъ она была элегантна и уютна.

— Какъ вы милы, что подумали обо всемъ, — обратилась она къ Подходцеву.

— Ну, вотъ еще новости. А эти два туземца вѣдь тоже кое о чемъ подумали...

Шаркая ногой и извиваясь, насколько позволялъ ему плотный станъ, преподнесъ свои цвѣты Клинковъ. Тутъ же съ другой стороны Громовъ самымъ умиленнымъ образомъ подсунулъ дѣвочкѣ свою меланхолическую корову.

— Господи... Зачѣмъ вы это... Я вамъ и такъ сколько безпокойства доставила, — мило лепетала Марья Николаевна, разливая чай. — Валя, поблагодари дядю.

— Вотъ ты молодецъ, что подарилъ мнѣ корову, — сказала Валя, безстрашно влѣзая на Громовскія колѣни. — Такъ мнѣ и надо.

И звучно поцѣловала вспыхнуващаго Громова въ щеку.



— Гм! — сказала Клинокъ, — если бы я зналъ, что за коровъ полагается такая благодарность, я бы, вмѣсто цвѣтовъ, подарилъ корову.

— Говоришь о коровѣ, — недовольно пробормоталъ Подходцевъ, — а самъ все время подсовываешь осла.

— Марья Николаевна, развѣ я вамъ Подходцева подсовывалъ?

— Слабо, — пожалъ плечами Подходцевъ. — Вы на него не обижайтесь, Марья Николаевна — онъ вѣдь ни одной женщины не можетъ видѣть равнодушно... Юбки не пропустить! Одинъ разъ написалъ даже любовное письмо дамскому портному.

## X.

Громовъ самымъ нѣжнымъ образомъ держалъ Валю на колѣняхъ и поилъ ее чаемъ съ блюдечка.

Валя отпивала глотокъ, останавливала внимательный взглядъ на лицѣ Громова, открывала ротъ, чтобы что-то спросить, но неопытный Громовъ, замѣчая отверзтый ротъ, моментально заливалъ его теплымъ чаемъ.

Наконецъ, Валя, пустила въ блюдце пузыри, отвернулась отъ него и спросила:

— А у тебя дитѣвъ нѣту?

— Нѣтъ, — сказалъ Громовъ.

— А отчего?

— Такъ, не водятся они у меня... — уклончиво отвѣтилъ Громовъ.

— Онъ ихъ жарить въ сметанѣ и ѣсть, — вмѣшался Клинокъ. — Очень любить ихъ. Только на скорородкѣ.

— Ну, хотъ ребенка-то ты можешь оставить въ покоѣ! — съ нѣкоторымъ раздраженіемъ сказалъ Громовъ.

— Что это значитъ «хотъ»? — спросилъ Клинокъ. — А кого я еще не оставляю въ покоѣ?

— Взрослыхъ. Но онѣ могутъ сами за себя постоять, а это — ребенокъ.

— А ну васъ къ чорту, — вдругъ разсердился Клинокъ. — Мнѣ Марья Николаевна нравится, и я прямо высказываю это ей. Думаю, въ этомъ нѣтъ ничего обиднаго. А вы чувствуете то же, но съ пересадкой: ты изливаешь свою благосклонность на невинное дитя, Подходцевъ корчитъ изъ себя заботливаго опекуна...

— Тсс! — засмѣялась Марья Николаевна. — Я вовсе не хочу быть яблокомъ раздора. Вы всѣ одинаково милые, и нечего вамъ ссориться...

— Впрочемъ, можетъ быть, я тутъ и лишній, — кротко и задумчиво сказалъ Клинокъ, впадая въ лирической тонъ; — такъ вы мнѣ въ такомъ случаѣ скажите — я уйду.

— Нѣтъ, ты долженъ быть здѣсь, — строго сказалъ Подходцевъ.

— Почему?

— Потому что соръ изъ избы выходить не долженъ.

— А у тебя глазки закрываются? — спросила Валя, попрежнему, внимательно изучая лицо Громова.

— На многое, — усмѣхнулся Громовъ.

— Закрываются, я спрашиваю?

— О, еще какъ!

— А ну, закрой.

Громовъ закрылъ.

— Такъ же, какъ у меня, — пришла въ восторгъ Валя. — А сказки ты знаешь?

— Я-то? Знаю, да такія все ужасныя, что не стоитъ и рассказывать. Очень страшныя.

— А ты расскажи!

— Это намъ легче легкаго. Ну, о чемъ тебѣ?... Видишь ли, была такая баба-яга. Жила, конечно, въ лѣсу... Да... Лѣсъ такой былъ, она въ немъ и жила... Ну, вотъ — живетъ себѣ и живетъ... Годъ живетъ, два живетъ, три живетъ... Очень долго жила. Старая-престарая. Можно сказать, живетъ, поживаетъ, добра наживаетъ. Да-а... Да такъ, собственно, если разсудить, почему бы бабѣ-ягѣ и не жить въ лѣсу. Въ городѣ ее сейчасъ бы на цугундеръ,

а въ лѣсу — слава-те Господи! Вотъ, значитъ, живетъ она и живетъ... Пять лѣтъ живетъ, восемь...

Ревнивый взглядъ Клинокова подмѣтилъ, съ какой лаской растроганная мать смотритъ на рассказчика, дарящаго своимъ вниманіемъ ея крошку.

— Да что ты все: живетъ да живетъ, — перебилъ онъ. — Не знаешь, такъ скажи, а нечего топтаться на одномъ мѣстѣ. — Вотъ я тебѣ расскажу, мышенокъ мой славный... Ну, иди ко мнѣ на колѣни — гопъ! Слушай: жила-была баба-яга... Поймала она разъ въ лѣсу мальчишку и говоритъ ему: мальчикъ, мальчикъ, я сдеру съ тебя шкуру. — Не дери ты съ меня шкуру, — говоритъ онъ ей. Не послушала она, содрала шкуру. Потомъ говоритъ: — мальчикъ, мальчикъ я тебѣ глаза выколою... — Не коли ты мнѣ глазъ, — хнычетъ мальчишка. Не послушала, выколола. — Мальчикъ, мальчикъ, — говоритъ она потомъ, — я тебѣ руки-ноги отрѣжу. — Не рѣжь ты мнѣ рукъ-ногъ. Но старуха, что называется, не промахъ — взяла и отрѣзала ему руки-ноги...

Увлеченный полетомъ своей фантазіи рассказчикъ, возведя очи къ потолку, не замѣчалъ, какъ лицо дѣвочки все кривилось-кривилось, морщилось-морщилось и, наконецъ, она разразилась горькими рыданіями.

— Тебѣ сказки рассказывать не дѣтямъ, а нижнимъ чинамъ жандармскаго дивизіона, — сказалъ Подходцевъ, отнимая у него малютку. — Дѣтка, ты не плачь. Дѣло совсѣмъ не такъ было: баба-яга, дѣйствительно, поймала мальчика, но не рѣзала его, а просто проткнула пальцемъ мягкое темя малютки и высосала весь мозгъ. Мальчикъ вырвался отъ нея, убѣжалъ, а теперъ выросъ и живетъ до сихъ поръ подъ именемъ Клинокова. Дырку въ головѣ онъ заткнулъ любовной запиской, а мозгу-то до сихъ поръ нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Очень мило, — пожалъ плечами Клинокъ. — Сводитъ личные счеты, вмѣшивая въ это невинную малютку... — Марья Николаевна! Если вамъ нужно куда-нибудь, я васъ провожу...

— Собственно, мнѣ нужно въ два-три мѣста по дѣлу, но я думала, что меня будетъ сопровождать Подходцевъ. Онъ такой опытный въ разныхъ дѣлахъ.

Клинокъ, чтобы скрыть смущеніе, подмигнулъ и сказалъ, выпятивъ грудь:

— Да-съ! Клинокъ совсѣмъ не для разговоровъ о дѣлахъ. Съ Клинковымъ разговариваютъ совсѣмъ о другомъ.

Отошелъ къ окну и сталъ сосредоточенно глядѣть на улицу.

## XI.

А Громовъ отозвалъ Подходцева въ сторону и, краснѣя, шепнулъ ему:

— Почему ты съ ней ѣдешь, а не я?

— А почему ты бы поѣхалъ, а не я?

— Да, но вѣдь я ее нашель, я ее привель...

— Ну, ну! Безъ собственниковъ... Что она котенокъ бродячій, что ли? Зато я добылъ для нея ребенка и, наконецъ, она сама меня пригласила...

— Пожалуйста, — хмуро сказалъ Громовъ. — Ты правъ, я не спорю. Клинокъ! А ты что думаешь дѣлать?

— Я думаю приказать, — сказалъ, продолжая стоять у окна, спиной ко всѣмъ, Клинокъ, — чтобы мой кучеръ Семень заложилъ пару моихъ сѣрыхъ въ яблокахъ, и поѣду къ князю Кантакузеню.

— Оставайся лучше дома, — блѣдно улыбнулся Громовъ, — сѣрыхъ мы выбросимъ, яблоки съѣдимъ, а потомъ займемся съ Валею — не оставлять же дѣвочку одну. Валя! Я тебѣ сейчасъ нарисую крокодила.

И, погладивъ дѣвочку по головкѣ, Громовъ принялся чинить карандашъ.

Аркадій Аверченко.

(Окончаніе слѣдуетъ.)







## О ЧЕРНЕНЬКОМЪ И БЪЛЕНЬКОМЪ.

СКАЗКА.

Иллюстрациі А. Радакова.

Посвящ. Ефиму Зозуль.

1.

Сонъ девятый на деревнѣ снится  
И вотъ, по самой серединѣ ночи,  
Липатовой коровѣ подошло телиться —  
Взревѣла, болѣзная, что было мочи...

Проснулась Липатиха, заразь смекнула,  
Пошарила по угламъ настывшей хаты,  
Огонь засвѣтила, мужа ткнула:

— Бычкомъ, али телкой стали богаты?

— Бычокъ хорошо, а телка лучше;  
Телка въ хозяйствѣ способнѣе много...  
Поглядимъ, захлопни-ка дверь покруче, —  
Экъ намѣрзло опять у порога!...

Въ хлѣву отъ Машки клубья пара,  
Развалилась, бѣдная, что снопъ рыжій;  
Глядь — а приплоду — цѣлая пара,  
Пару телятъ matka лижетъ...

Дрожитъ, трясется съ мороза-зноба,  
Поглядѣла Липатиха привычнымъ глазомъ:  
Два теленка — бычки оба,  
Два бычка однимъ разомъ.

Одинъ — черненькій — шерстка въ шерстку,  
Другой — бѣленькій — и оба любви,  
Настрекала баба молока въ горстку,  
Неосмысленнымъ-глупымъ намочила губы.



Ничего, что малые, — сообразили тоже,  
Отыскали вымя, присосались дружно,  
Чудны, чудны дѣла Твои, Боже!  
Все-то приспособлено у Тебя, какъ нужно!...

2.

Шумъ стоитъ въ избѣ у Липата,  
Кто замолчитъ — такъ ужъ, значитъ, уста-  
нетъ.

Только — зря! Ну, кому не знато,  
Что молока отъ быка во-вѣкъ не станетъ?  
Двоихъ же кормить — себѣ дороже,  
Изъ бычковъ одного зарѣзать надо;  
Липать кричитъ, Липатиха — тоже,  
А свекровь завсегда погалдѣтъ рада...

Котораго же зарѣзать теленка — кто рассудитъ?  
И такъ и такъ не сподручно:  
Если бѣлаго — черненькій скучать будетъ,  
Если чернаго — бѣленькому будетъ скучно!?

И сказала мужику баба:

— А еще учился двѣ зимы въ школѣ!  
Все сама порѣшила я бы —  
Грамотѣ знала коли!

Намѣсто того, чтобъ ругаться,  
Поглядѣлъ бы ты лучше  
Въ численникъ-святцы,  
Нѣтъ ли чего тамъ на этотъ случай?  
Для того, что ли, календарь-отъ,  
Да еще съ англискимъ государемъ?  
Вотъ не знала кума, кому дарить —  
На цыгарки, вишь, надобенъ календарь намъ.

Отъ тебя, Липать, отъ урода —  
Ни толка, ни прока!  
Двухъ недѣль не прошло съ Новаго года,  
А докурить уже до Ильи-Пророка!

— А вѣдь правильно говоритъ сучья дочка!  
Въ святцахъ надобно почитать бы...  
Снялъ календарь Липать съ гвоздочка,  
Спугнулъ на стѣнѣ тараканьи свадьбы...

Молчи, баба, не будь горяча такъ, —  
Сказаль и сталъ разбирать внятно:  
«...Какъ съ бѣлыхъ шелковыхъ перчатокъ  
Выводить жирныя пятна...»

— Ну, этэо для благородной какой дѣвицы,  
На потѣху честному міру;  
Дегтю не боятся крестьянскія рукавицы,  
А не токмо что жиру!

Нѣтъ! Здѣсь дѣло не наше...  
Попаль пятерней въ тѣсто,  
Дай табачокъ, Маша,  
Покурю я съ этого мѣста...

Какой святой, на какія числа,  
Бабка знаетъ не хуже, —  
Скрючило въ коромысло,  
А памятливая — дюже!...

Такъ ли говорю? Въ томъ-то и дѣло —  
Бресь-ка валенки съ печи,







## ВОСПОМИНАТЕЛИ.

Ежемесячно какое-нибудь культурное издательство или идейный ежемесячник предлагает читательскому вниманию чьи-нибудь воспоминания о русских писателях. В силу разсѣянности и уваженія къ «искусству вратъ о покойникахъ», я прочелъ нѣсколько такихъ послѣднихъ воспоминаній. Постараюсь въ наиболѣе краткой формѣ передать наиболѣе цѣнное изъ нихъ, благожелательно относясь къ задачѣ воспоминателей ярко и образно очертить настоящей обликъ воспоминаемаго.

## Пушкинъ и Гоголь.

- Шель бы ты домой, Гоголь.  
 — А я бы посидѣлъ, Александръ Сергѣичъ. Можетъ, темку какую дадите.  
 — Даль же вчера. Ёдетъ Чичиковъ и собираетъ мертвыя души. Используйте?  
 — Помилуйте-съ, Александръ Сергѣевичъ... Можно сказать съ барскаго плеча тема...  
 — Ну то-то. Когда поѣдешь домой, такъ не забудь пальто мое встряхнуть. Ходишь, хохоль несчастный, а пользы отъ тебя никакой.  
 — Да ужъ гдѣ отъ нашего брата польза... Можетъ, для «Ревизора» темку дадите?  
 — На, пожалуй, не жалко. Приѣзжаетъ Хлестаковъ въ городъ, а тамъ...  
 — Разрѣшите записать?  
 — Записывай, хохоль. Руки бы чаще мыль. Когда придешь, слѣдующій разъ, я тебѣ носовой платокъ подарю. Не лѣзь къ ручкѣ — не люблю я этого... Ну, иди.  
 — Покорно благодаримъ...  
 .....  
 — Эй, малый, куда бѣжишь?  
 — Отъ Пушкина тему несу... Пусты, дяденька...  
 — Тему, тему... Обокрадешь барина, а потомъ полное собраніе сочиненій въ двѣнадцати томахъ издашь... Ловкачи...  
 Гоголь прибѣгалъ домой и садился за бумагу.

Рис. В. Лебедева.



## ВЪ ЦИРКѢ.

- Джимми, почему ты нынче на ослѣ, а не пѣшкомъ?  
 — Хромаю. Подошла сегодня къ одной дамѣ, а у нея кусокъ краски съ лица обвалился — да по ногѣ меня!

— Что это Пушкинъ сказалъ, — ломаль голову Гоголь. — Ахъ ты, забылъ... Какая тема... Ахъ, да, — чудень Днѣпръ...

## Некрасовъ.

- Скажите, кто это валяется пьяный въ лужѣ?  
 — Это же Некрасовъ.  
 — Какой Некрасовъ? Извѣстный обжора?  
 — Ну, конечно. Который еще беретъ у всѣхъ безъ отдачи въ долгъ.  
 — И даютъ?  
 — Даютъ. А въ свободное время на счетъ знакомыхъ дѣвиць живетъ.  
 — Это не онъ такъ здорово въ карты играетъ?  
 — Онъ, онъ. Цѣлый журналъ проигралъ. Сидитъ такой, въ прязныхъ воротничкахъ, сопить, лысый, ругатель и проигрываетъ... Кажется, проснулся, шевелится въ лужѣ...  
 — Нужно ногой подтолкнуть. Все-таки извѣстный писатель. Вставай, Некрасовъ, время позднее, можетъ, какой господинъ кошелекъ въ карманѣ несетъ.

## Апухтинъ.

Отъ Апухтина очень сильно пахло. Домашняя собаченка, забѣжавъ къ нему въ комнату, быстро околѣла отъ запаха. И ноги у него пухли. Больной былъ человекъ и стихи писалъ. Стишки-то не ахти какіе, а пахло отъ него здорово. Всѣ были недовольны.

## Лѣсковъ.

- Что это у васъ за вѣнокъ виситъ?  
 — Да почитатели прислали. Дешево отдалъ приказчикъ. Рубль далъ, а за другімъ мальчишка пришелъ. Шустрый такой.  
 — А альбомъ откуда?  
 — Неловко мнѣ...  
 — Да ужъ говорите...  
 — Читательницы двухъ сѣверныхъ губерній... И трогательно написали такъ. Дорогому, милому...  
 — Почеркъ-то очень знакомый. Что же это вы лѣвой рукой писали, или изъ знакомыхъ кто?  
 — Ахъ, какой вы, право...



## Интимная жизнь Пушкина.

«... Полина Петровна. (6 часов вечера).  
Наташа, дочь ея. (6<sup>1/2</sup>).  
Дашка, горничная.  
Тетка ея.  
Собачка ея.  
Курица ея...»

\* \* \*

— Когда вы кончите ваше гениальное произведение, господин Пушкин?

— Такъ, знаете, некогда. Вчера одну дворовую дѣвку встрѣтилъ...

— А какъ ваши отношенія съ N N?

— Опозорилъ.

— А гдѣ вы думаете провести лѣто?

— Въ Михайловскомъ. Тамъ новый лѣсной сторожъ, такъ у него племянница одна.

— А «Евгенія Онѣгина» закончили?

— Ну, что вы... Мнѣ еще нужно шестьдесятъ одно неприличное стихотвореніе написать...

\* \* \*

— Кто это тамъ кричитъ на заднемъ дворѣ?

— Не то собаку прищемили, не то Пушкина въ сараѣ поймали и бьютъ.

— Что же онъ — часто?

— А вы какъ думаете? Каждый день. Не погоняются, говорятъ, за мной съ палками, не пишется.

— Уѣхать бы ему отсюда...

— Ну, что вы... Восемьдесятъ четыре побочныхъ семьи. Всѣхъ съ собой не увезешь. Однихъ дѣтей четыреста двадцать штукъ.

## Щедринъ.

Прошенице, покойничекъ, подаль въ одно правительственное учрежденіе, а прошенице-то гаденькое. Умѣлъ это покойничекъ дѣлать.

## Достоевскій.

Когда журналъ «Эпоху» издавалъ, такъ валъ у какой-то машины въ типографіи сломался. Жаловаться въ полицію побѣжалъ: конкурентовъ заподозрилъ. Психологъ психологомъ, а полиція полиціей.

## Тургеневъ.

— Эхъ, Віардо, Віардо. Полы вымылъ, въ лавочку сбѣгалъ, знакомые ужъ поиздѣвались, горничная раза три на ты назвала, а все еще мало...

— И что ты, Тургеневъ, вертишься, что ты къ нашей семьѣ притираешься... Нѣтъ тебѣ въ Петербургѣ мѣста, въ Парижѣ все лѣзешь...

— Ничего, я на кухнѣ посижу...

— А потомъ тебя изъ кухни въ гостиную... А потомъ разозлишься — пасквиль на русскихъ за границей напишешь...

— Какой я тамъ писатель... Мнѣ бы чайку съ вами попить...

— Здорово, братъ ты, Тургеневъ, пріѣлся...

— Наше дѣло маленькое. Прогоните, завтра приду.

Кто они, эти воспоминатели? Кто они, эти одряхлѣвшіе садисты, выворачивающіе писательское нутро передъ нами? Неужели мало еще того, что современный писатель пишетъ о своей простынѣ, салѣ на скатерти и прачкиномъ счетѣ? Неужели еще нужно и въ могилы пускать гной собственного разложенія...

Какое глубокое и непоправимое несчастье у каждого писателя, что онъ имѣетъ современниковъ.

Л. Аркадскій.

## ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

## Женитьба по „Новому Времени“.

Изъ безпристрастной судебной хроники:

Руссецкій прочиталъ въ „Нов. Вр.“ объявленіе свахи Фишеръ и подумалъ: — „а почему бы и мнѣ не жениться?“

Обращаясь къ Фишеръ за содѣйствіемъ, Руссецкій разъясняетъ ей мотивы такого рѣшенія: у него въ Крыму имѣніе, стоящее, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ, но онъ страшно запутался въ долгахъ и спасти его можетъ только женитьба съ приданымъ въ 25—30 т. За невѣстой дѣло не стало. Фишеръ находитъ Берту Мантей, горничную

изъ Европейской гостиницы: Правда, у горничной только 8 тыс. приданого, но это обстоятельство не смущаетъ сваху, она знаетъ, что женихи изъ „Нов. Вр.“ торгуются и склонны на уступки. Женихъ, дѣйствительно, оказался изъ сговорчивыхъ.

Явившись на первое свиданіе въ тужуркѣ студента-политехника, Руссецкій умолялъ невѣсту не разбивать его жизни — выйти за него замужъ. Берта Мантей дала не только согласіе, но и 2,500 руб. облигаціями на какіе-то экстренные расходы жениха по имѣнію, но черезъ нѣсколько дней Руссецкій вдругъ ни съ того ни съ сего заявляетъ невѣстѣ, что онъ вообще не намѣренъ жениться на ней.

— Хотя я тебя и люблю, но ты нѣмка, у тебя нѣмецкое сердце, и жениться я на тебѣ во время войны никакъ не могу. Противно моему настроенію.

Тутъ ужъ Берта Мантей не выдержала и заявила прокурору о продѣлкахъ жениха.

Есть такой анекдотъ: еврей хочетъ жениться, но ставитъ условіемъ, чтобы невѣсту показали ему голый. Когда сваха устраиваетъ это, онъ вдругъ отказывается на томъ основаніи, что ему не нравятся глаза невѣсты...

Берта Мантей потерпѣла больше нежели, легендарная невѣста: на ней не только не женились, но 2,500 рублей взяли...

Такъ мы понемножку и боремся съ нѣмецкимъ засильемъ.

## Двуногіе.

Послѣ сенатскаго разъясненія по поводу газеты „Трудовая Правда“, — о томъ, что является отвѣтственнымъ всякое двуногое, причастное къ газетѣ — прогрессивныя газеты должны нанимать на должность отвѣтственного редактора урода съ тремя ногами.

Эти лица, вѣроятно, не будутъ отвѣтственными.

## Новый фронтъ.

Хотя Греція и держитъ нейтралитетъ, но частичныя столкновенія грековъ съ болгарами уже начались.

Театръ войны — кухмистерская.

Вооруженіе сторонъ — живая обезьяна.

Поваръ греческой кухмистерской Иванъ Деадаки, пріѣхавшій за покупкой у мѣстныхъ рыбаковъ миноги, зашелъ въ кухмистерскую, находящуюся на проспектѣ села Александровскаго.

Здѣсь Деадаки встрѣтилъ высланнаго болгарина Данила Гаджева, странствовавшего по окрестностямъ Петрограда съ обезьянкой.

Болгаринъ подошелъ къ Деадаки, разговорился съ нимъ и въ концѣ концовъ сталъ хвастать, увѣряя, что болгарская армія, разбишшая сербовъ, вскорѣ побьетъ и грековъ.

Деадаки, возмущенный хвастовствомъ болгарина, выхватилъ у него изъ рукъ обезьяну и началъ бить ею по головѣ Гаджева.

Поднялся неописуемый шумъ. Часть публики заступилась за болгарина, т. е., вѣрнѣе, за его несчастную обезьяну. Во время общей свалки болгаринъ куда-то скрылся, оставивъ обезьяну въ рукахъ толпы.

Вообще, конечно, мы того мнѣнія, что всякаго воинствующаго болгарина нужно долго и упорно бить по головѣ.

Но живая обезьяна едва ли является подходящимъ орудіемъ для этого.

Жалко, конечно, не болгарскую голову, а бѣдную обезьяну.

## Конецъ игры.

Еще люди не молились Богу, а уже поразбивали лбы...

Изъ Христіаніи сообщаютъ, что экспедиція Форда разрѣшилась комическимъ финаломъ, который даже трудно было придумать передъ самымъ отъѣздомъ членовъ экспедиціи въ Стокгольмъ.

Фордъ съ большой таинственностью покинулъ Христіанію и выѣхалъ въ Бергенъ, чтобы оттуда на первомъ попавшемся пароходѣ отправиться назадъ въ Америку.

Розина Швиммеръ вмѣстѣ съ остальными членами „экспедиціи“ рѣшила продолжать намѣченный маршрутъ и выѣхала въ Стокгольмъ, гдѣ она надѣется встрѣтить болѣе теплый пріемъ.

Одинъ по одному — всѣ члены этой удивительной экспедиціи сбѣгутъ, кто куда... Можетъ быть, послѣднимъ останется корабельный поваръ, который долго еще по инерціи будетъ слоняться по разнымъ городамъ нейтральныхъ государствъ, пока не заключатъ миръ...

И будетъ это тотъ рѣдкій случай, когда поваръ не завариваетъ кашу, а расхлебываетъ ее...

## Ласковая борьба.

Волкъ, стерегущій овецъ, по порученію довѣрчиваго пастуха...

Владѣлецъ лучшаго колониальнаго магазина въ Самарѣ Егоровъ оштрафованъ за торговлю сахаромъ выше таксы. Интересно, что Егоровъ состоитъ гласнымъ городской комиссіи по борьбѣ съ дороговизной.

Егоровъ хорошо понимаетъ, что при всякой самой ожесточенной борьбѣ бываютъ моменты, когда противника крѣпко прижимаютъ къ горячо бьющемуся сердцу.





**Гимнъ Германіи.**

Григорій Петровъ читалъ недавно въ Петроградѣ лекцію. Большинство прочитаннаго — пережевываніе уже десятки разъ жеваннаго имъ и выплюнутаго слушателями.

Но кое-что было въ его лекціи и новое... Напримѣръ:

— Вотъ уже второй годъ мы мажемъ ворота Германіи дегтемъ, — пора бросить это занятіе, пора узнать лицо народа, сильнаго не милитаризмомъ, а мастеризмомъ во всѣхъ областяхъ, подняшагося въ философіи до Канта, въ музыкѣ — до Бетховена, въ живописи — до Дюрера, въ литературѣ — до Гете, въ техникѣ — до Круппа, въ политикѣ — до Бисмарка и т. д.

Гдѣ ужъ Россіи, дѣйствительно, угнаться за Германіей...

Ни въ чемъ она не поднялась, а скорѣй опустилась.

Напримѣръ, въ критикѣ и публицистикѣ опустилась до Григорія Петрова, который нашелъ себѣ похвальное занятіе — вылизывать языкомъ тѣ германскія ворота, на которыхъ еще не весь деготь вылизанъ Свенъ Гединомъ и Бьернсономъ.

**Русское.**

Полюбуйтесь, сколь хитроумень русскій официальный человекъ.

Евпаторія является центромъ добыванія водорослей съ йодистыми солями, но

вмѣсто того, чтобы начать производство въ центрѣ добычи йодистыхъ водорослей, т. е. въ Евпаторіи, лабораторія для выдѣлки йода открыта въ Екатеринославѣ, куда вагонами (навѣрное, могущими быть полезными и для другихъ цѣлей) возятъ водоросли, чтобы извлечь 30 фунтовъ йода. Не проще ли было бы Магомету пойти къ горѣ, а не таскать горы... водорослей вагонами къ екатеринославскимъ магометамъ.

Дальнѣйшія приключенія путешествующихъ водорослей таковы: въ Екатеринославѣ изъ водорослей дѣлаютъ йодъ, который въ боченкахъ отправляютъ въ Иркутскъ; въ Иркутскѣ йодъ разливается по бутылочкамъ и отправляется въ Самаркандъ, гдѣ на него наклеиваются ярлыки. Главный складъ уже приготовленнаго для продажи йода въ Архангельскѣ...

**Чудо-ребенокъ.**

„Приазовск. Край“ сообщаетъ:

На одномъ изъ частныхъ совѣщаній ростовскихъ гласныхъ городской голова А. П. Бреславцевъ предложилъ выбрать въ члены управы присутствовавшего тутъ же С. Н. Кувардина.

Противъ предложенія горячо запротестовалъ гласный С. П. Соколовъ.

— Почему же вы противъ этой кандидатуры? — поинтересовался голова.

— Потому что умственные способности Кувардина не соответствуютъ этой должности, — отвѣтилъ г. Соколовъ. — Когда-то мы вмѣстѣ учились и вмѣстѣ были во второмъ классѣ гимназіи. И тогда, въ концѣ года, его перевели не въ третій классъ, какъ обыкновенно

бываетъ, и не оставили въ томъ же классѣ, какъ это бываетъ иногда, а перевели въ первый классъ, что никогда не бываетъ.

— Да, вѣрно, — уныло подтвердилъ Кувардинъ при общемъ смѣхѣ присутствовавшихъ.

А вѣдь, можетъ быть, теперь, хорошій человекъ рѣдкій семьянинъ и прекрасно по дереву выпиливаетъ . . . . .

**Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.**

*(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)*

*Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)*

**А. Петроградъ.**

Генриху. — Описаніе героини красавицы:

„Ушки у нея были маленькія и розовыя, какъ семга“.

Продолжая эти гастрономическія сравненія, можемъ отмѣтить, что языкъ автора твердъ и сухъ, какъ донская тарань.

Фонарн. пер. Ван-ванычу.

Мэри за шею меня укусила

И извиненія не попросила;

Но объяснила:

„Потому что укусила тебя, любя“.

Что касается насъ, то насчетъ поступка Мэри мы имѣемъ свое мнѣніе: съ одной стороны, дороговизна мяса, съ другой стороны, качество вашихъ стиховъ — все это до извѣстной степени оправдываетъ поступокъ экспансивной дѣвушки.

О. Б. П. (Эй-фу). ... „Прекрасныя бѣлыя руки Кати постепенно переходили въ высокую грудь“ ...

Хорошо еще, что не сразу.

Не нравится намъ все это...

Либерману — Въ виду вашей неопытности въ военномъ дѣлѣ, беремъ на себя смѣлость объяснить вамъ, что ружье, даже при наступившихъ морозахъ, не можетъ быть причислено къ холодному оружію. Кромѣ того, во время атаки „на сигнальномъ рожкѣ“ не „играютъ марш“ ...

Мы, конечно, привѣтствуемъ лозунгъ — все для войны! Но все-таки братья штатскому человеку за отливаніе пуль — не слѣдуетъ Н. Н. К. — Не надо больше писать.

Бъженцу изъ Варшавы. Случай, который могъ бы заинтересовать любого хирурга:

Лишь вспомню я ея глаза,

Въ мозгу тѣснятся образа...

Удаленіе ихъ оперативнымъ путемъ единственный выходъ изъ этого рѣдкостнаго положенія.

Климичу — Кое-что въ рассказѣ есть. Напримѣръ — обиліе буквы „е“, гдѣ надо „ѣ“.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.  
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

19 декабря въ Кіевѣ открыта  
**выставка каррикатуръ „НОВАГО САТИРИКОНА“;**  
Царская пл., Городской Музей Императора Николая II.





4-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ

на ежедѣльный журналъ сатиры и юмора  
**„Новый Сатириконъ“.**

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

**52** номера богато иллюстрированного красочными **52**  
рисунками и карриатурами журн. больш. формата.  
Рисунки и текстъ лучш. русскихъ художн. и писателей.

**3** БЕЗПЛАТН. Кроме того, всѣ годовые под- БЕЗПЛАТН. **3**  
ПРЕМИИ: писчики получаютъ ПРЕМИИ:

Одну обильно иллюстрированную книгу:

### ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РУССКОЙ КОНСТИТУЦИИ.

Въ звучныхъ, мѣткихъ, какъ ударъ толедской шпаги, стихахъ будетъ отражено все большое и маленькое, смѣшное и печальное, все бѣлое и черное, что произошло за эти удивительныя 10 лѣтъ.

### „ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ НОВАГО САТИРИКОНА“.

Если когда-нибудь существовало сомнѣніе въ томъ, что Сатириконцы заботились о своихъ читателяхъ, какъ пеликаны о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя сомнѣнія должны съ грохотомъ пасть. Сатириконцы отрывають лучшіе куски своей души и отдають ихъ читателямъ: нате, кушайте!  
Расширеніе умственного и научнаго кругозора нашихъ читателей есть первѣйшая забота руководителей журнала. Поэтому вниманію читателей предлагаются:

3 первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Новаго Сатирикона“.

1. ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ.
2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если бы мы остановились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значитъ нужно. И нечего тамъ разговаривать.)
3. СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подумали.)

**ТЕАТРЪ И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ.** Альбомъ шаржей художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Артисты. Критики Рецензенты. Драматурги и проч.

НВ. Незнакомыхъ или неизвѣстныхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто-нибудь изъ таковыхъ и попадетъ случайно въ альбомъ, то пребываніе такого лица въ этомъ альбомѣ уже сдѣлаетъ его извѣстнымъ, чѣмъ задано и будетъ выполнено.

### ОТЪ КОНТОРЫ.

Будучи принципиальными врагами всякой трескучей рекламы, мы и на этотъ разъ хотѣли бы удержаться въ рамкахъ строгой литературности, несмотря на то, что цѣль настоящаго объявленія — опредѣленная: подстрекнуть нашихъ читателей на присылку подписныхъ денегъ за нашъ журналъ.

Но... разъ литературность — мы должны быть скромны.

Позволимъ себѣ только привести лестное мнѣніе о подпискѣ на нашъ журналъ такого авторитета, какъ Грибоѣдовъ (слова Фамусова):

— Подписано и съ плечъ долой!

Авторъ этими словами ясно подчеркнул преимущественное положеніе подписчиковъ передъ розничными читателями, жизнь которыхъ полна хлопотъ.

**ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки 6 р. 80 коп., съ доставкой и пересылкой:**

Въ Россіи. на годъ **8** руб., на 1/2 года **4** руб., на 3 мѣс. **2** руб., на 1 мѣс. **70** коп.  
За границу: на годъ **12** руб., на 1/2 года **6** руб., на 3 мѣс. **3** руб., на 1 мѣс. **1** руб.

**ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:**

при подпискѣ **3** р., къ 1 мая **2** р., къ 1 июля и 1 сент. по **1** р. **50** к.

Для коллективныхъ подписокъ устанавливается особо льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ **2** руб. и ежемѣсячно каждое 1-е число по **50** коп.

Рис. Ре-ми.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88.

Телефонъ № 59-07.

Редакторъ: Аркадій Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.



ОТКРЫТА ПОДПИСКА  
на 1916 г.

**Триродахъ Люде**

27-й г. изд. Подписн. годъ начин. 1-го ноября 27-й г. изд.

**52 №№** художеств. - иллюстрир. **52 №№ ХРОНИКА ВОЙНЫ**  
журнала, свыше 1.000 стр. съ многочислен. иллюстраціями.  
ЗА ГОДЪ **4** руб. съ дост. и перес. **3** руб. **50** к. безъ дост. и пересылки.

**Приложенія по выбору подписчиковъ за особую плату, а именно:**

**12** кн. Журн. литер. новинокъ **МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ** ЗА ДО- ПЛАТУ **2** <sup>РУБ.</sup> <sub>60</sub> <sup>К.</sup>

**20** кн. собраніе сочиненій **РЕДИАРДА КИПЛИНГА** ЗА ДО- ПЛАТУ **3** <sup>РУБЛ.</sup>

**50** КНИГЪ НОВАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ИЗВѢСТНАГО ПИСАТЕЛЯ ЗА ДОПЛАТУ

**ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО** **6** <sup>РУБЛЕЙ</sup> <sub>50</sub> <sup>КОП.</sup>

**16** кн. художествен. изданія **НАРОДЫ МІРА** въ нравахъ за до- ПЛАТУ **3** <sup>РУБЛ.</sup> <sub>60</sub> <sup>К.</sup> и обычаяхъ.

**12** кн. ежем. Журн. самообр. **ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ** ЗА ДО- ПЛАТУ **3** <sup>РУБ.</sup> <sub>50</sub> <sup>К.</sup>

**УСЛОВІЯ РАЗСРОЧКИ:** Разсрочка на журналъ и приложенія допускается **въ два или три срока:** Въ два срока: при подпискѣ половина стоимости журнала и избран. приложеній и къ 1 мая остальные. Въ три срока: при подпискѣ треть стоимости, къ 1 февраля еще 1/3 стоим. и къ 1 мая остальные.

**КАЖДОМУ ПОДПИСЧИКУ** предоставляется право выписать журналъ безъ приложеній, либо съ однимъ или нѣскольк. прилож., но не одинаков., по собств. выбору. Приложенія безъ журнала не высылаются.

**Подробн. объявленіе журн. высылается бесплатно.**  
Главная Контора: Петроградъ, Стремянная, 12.  
— ИЗД. П. П. СОЙКИНЪ. —

## АРГУСЪ

Первый и единственный въ Россіи общедоступн. худо-  
жественный ежемѣсячникъ.

4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Открыта подписка  
на 1916 г.

**ВСЕ,**

Цѣна за годъ съ  
7 преміями 7 руб.

ИНТЕРЕСУЮЩЕЕ ШИРОКІЕ ЧИТАТЕЛЬСКІЕ КРУГИ,  
въ „АРГУСЪ“.

Лучшіе писатели. Лучшіе художники. Лучшіе фотографы-  
корреспонденты.

Въ 1916 году „АРГУСЪ“ предлагаетъ годовымъ подписчикамъ:

**СЕМЬ БОГАТЫХЪ ПРЕМІЙ,**

исполнен. въ мастерск. поставщ. Двора Е. И. В. Голике и  
Вильборгъ.

**ПЯТЬ КАРТИНЪ ВЪ КРАСКАХЪ,**

исполненныхъ лучшими русскими художниками:

1) И. Билибинымъ, 2) Н. Ре-ми, 3) проф. Н. С.  
Самокишемъ, 4) Степаномъ Колесниковымъ и  
5) О. Шарлеманомъ.

**ДВѢ РОСКОШНЫХЪ ГЕЛЮГРАВЮРЫ:**

6) Подвигъ казака — Н. И. Кравченко.

7) Оскверненная святыня — меццо-тинто.

Первая премія разслана будетъ годовымъ подписчикамъ съ ян-  
варскимъ номеромъ „АРГУСА“.

Подписная цѣна на „АРГУСЪ“ съ семью преміями:  
7 р. въ годъ, съ перес. 4 р. на полг., съ пер. **РАЗСРОЧКА:** 4 р.  
при подп., 3 р. въ июнь. Подписка на журналъ „АРГУСЪ“ съ  
преміями принимается во всѣхъ почтово-телеграфныхъ конто-  
рахъ Россійской Имперіи, книжныхъ магазинахъ и въ Главной  
Конторѣ журнала „АРГУСЪ“. Петроградъ, Сергіевская, д. 17.  
Редакторъ Вас. Регининъ. ИЗДАТЕЛЬ Акц. О-во „Біохромъ“.

**3** РУБЛЯ  
СЪ  
ДОСТ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА  
на 1916 годъ въ

**2** Р. 75 К.  
БЕЗЪ  
ДОСТ.

— **НОВЫЙ** —

## ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСѢХЪ

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Ежемѣсячный безпартійный прогрессивно-демократическій жур-  
наль литературы, искусства и общественной жизни.

Въ связи съ переживаемымъ моментомъ особое вниманіе обра-  
щено на отдѣлы: 1) ВОЕННЫЙ (Н. Л. Кладо, Г. Г. Але-  
ксѣевъ); 2) КООПЕРАЦИИ (К. А. Пажитновъ); 3) ЗЕМСКІЙ  
(Б. Фромметъ) Въ серьезно поставленномъ ХУДОЖЕСТВЕН-  
НОМЪ отдѣлѣ дается живое отраженіе современныхъ иска-  
ній и теченій. Каждый номеръ иллюстрируется снимками съ ра-  
ботъ лучшихъ художниковъ и печатается въ иллюстр. обложкѣ.  
Въ журналѣ принимаютъ участіе всѣ лучшія литературныя силы.

Подписная цѣна: съ перес. **3** р. на 1/2 г. — 1 р. 70 к. Безъ  
на годъ — **3** р. дост. — 2 р. 75 к за гран. 4 р.

Отдѣльный номеръ въ розничной продажѣ 35 коп.

Для сельск. учит., священ., рабоч., крестьянъ и учащихся допуск.  
разср. 1 р. при подпискѣ 1 р. къ 1 му марта и 1 р. къ 1-му июля.

Контора и Редакція: ПЕТРА Эртелевъ 3. Тел. 107-88.  
редакторъ-издатель А. БОАНЕ.



Открыта подписка на 1916 годъ  
на ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

11-й **РЪЧЬ** 11-й  
годъ изданія.

издаваемую въ Петроградѣ  
**И. И. Петрунkevичемъ,**  
при ближайшемъ участіи  
**П. Н. Милюкова и I. В. Гессена**  
и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ газеты „РЪЧЬ“ на 1916 годъ,  
внесшимъ до 1-го февраля подписную плату не менѣе, чѣмъ  
за 1/2 года, будетъ разосланъ **БЕЗПЛАТНО**

**Ежегодникъ газеты „РЪЧЬ“**  
на 1916 г.,  
**ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОЙНѢ.**

Время разсылки „Ежегодника“ будетъ зависѣть отъ хода  
военныхъ событій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ 1-го января 1916 г. на:

	12 м.	9 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Россіи . Р.	14.—	11.—	7.50	6.50	5.25	4.—	2.75	1.40
За-границу . Р.	24.—	19.—	13.—	11.—	9.—	7.—	4.75	2.40

Для сельскаго духовенства, сельскихъ учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору: на 12 м. — 10 р. 50 к., на 9 м. — 8 р. 25 к., 6 м. — 5 р. 50 к., 3 м. — 3 р., 1 м. — 1 р. 05 к.

Адр. главн. к-ры газеты „РЪЧЬ“: Петроградъ, Ул. Жуновскаго, 21-104

Пробные №№ газеты „РЪЧЬ“ для ознакомленія  
высылаются бесплатно.

Открыта подписка на 1916 г.  
3-й годъ изданія.

Большинство №№ за 1914 и 1915 г. распроданы, хотя выходили  
несколькими изданіями.

**СТОЛИЦА**  
**и**  
**УСАДЬБА**

**ЖУРНАЛЬ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ.**

Журналъ отводитъ главное мѣсто свѣтской жизни въ Россіи,  
спорту, охотѣ, туризму, выставкамъ, театру, коллекціонерству,  
музыкѣ, искусству вообще и особенно жизни русской усадьбы въ  
прошломъ и настоящемъ.

Двухнедельный роскошный журналъ, совершенно новаго въ  
Россіи типа, по образцу английскихъ.

Редакція — Каменный остр., 31, соб. вилла.

Контора — Невскій, д. Зингера, контора 10.

Вслѣдствіе увеличенія цѣны на мѣловую бумагу съ 28 руб. до  
106 руб. за стопу, подписная цѣна на журналъ, къ сожалѣнію,  
повышается на 2 руб. (только на время войны).

Годовая подписка — 13.50 въ Петроградѣ и 14.50 — вездѣ въ  
Россіи. Отд. № 85 коп. Для ознакомленія одинъ № высылается  
за 30 коп. марками.

Редакторъ **Вл. Крымовъ.**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.**

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

**Салонъ въ Свѣтлости Русской Литературы**

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу  
во всѣхъ лучшихъ эстампныхъ и художественныхъ  
магазинахъ

**БОЛЬШАЯ МНОГОКРАСОЧНАЯ**  
**КАРТИНА-ШАРЖЪ ХУД. РЕ-МИ**



на современныхъ литераторовъ.

На карикатурѣ изображены: 1) А. Измайловъ. 2) I. Ясинскій. 3) П. Боборыкинъ. 4) И. Потапенко. 5) П. Невѣжинъ. 6) Георгій Чулковъ. 7) Сергій Городецкій. 8) В. Трахтенбергъ. 9) А. Рославлевъ. 10) Корнѣй Чуковский. 11) Леонидъ Андреевъ. 12) Гр. А. Толстой. 13) А. Волинскій. 14) Борисъ Лазаревскій. 15) Анатолій Каменскій. 16) А. Куринъ. 17) Н. Брешко-Брешковский. 18) Алексѣй Ремизовъ. 19) А. Будищевъ. 20) В. Дорошевичъ. 21) Юрій Бѣляевъ. 22) М. Кузьминъ. 23) Вас. Немировичъ-Данченко. 24) Скиталецъ. 25) Аркадій Аверченко. 26) Тэффи. 27) Семень Юшкевичъ. 28) Валерій Брюсовъ. 29) В. Короленко. 30) Федоръ Сологубъ. 31) Осиль Дымовъ. 32) Максимъ Горькій. 33) К. Бальмонтъ. 34) В. Розановъ. 35) Вячеславъ Ивановъ. 36) Д. Мережковский. 37) Д. Философовъ.

Размѣръ карикатуры 80×35 с./м.

Картина отпечатана на лучшей полотняной бумагѣ въ тип. Р. Голике и А. Вильборгъ.

Цѣна карикатуры 3 руб.





— Не притворяйся, пожалуйста, что ты умираешь! В премиях к журналу „Для хозяек“ ясно сказано: „Чтобы сделать хороший молочный суп, нужно взять воды, развести в ней 1/2 фунта купороса, для цвета добавить ложку цинковых белил и для остроты — стакань сѣрной кислоты“. Я все это точно сдѣлала, а тебѣ не нравится.

— Слушай, милый, внимательно сказочки, — приложение к „Задушевному Слову“... видишь ты уже какой тихонькій сталъ. А какъ дойдешь до старшаго возраста, Богъ дастъ, будешь мычать и слюнки пускать, и совсѣмъ ужъ тихонькимъ станешь.



— Дѣти мои, дѣти мои, что съ вами!?  
— Баста, папашка! Къ чорту гимназію и семейную жизнь, и всякіе цирлихъ-манирлихъ! Прочли мы приложение к „Синему Журналу“, — „Въ вихрь великосвѣтской жизни“, сочиненіе Грязнопольской, и желаемъ подражать ея героямъ. Манька вчера уже старика замарьяжила, а я третьи часы золотые украдь.

— Чтой-то вы такъ вырядились?!  
— Совсѣмъ даже не вырядилась. Это платье я шила по послѣдней парижской модели, премія к „Журналу-для женщинъ“... А вы, почему у васъ все лицо въ прыщахъ?  
— Это я освѣжала кожу по рецепту журнала „Женщина“.



— Эхъ, умно мы сдѣлали, что на „Ниву“ подписались, — и мебель есть и дровъ на цѣлую зиму хватитъ.

Теперь скажемъ о приложении к „Н. Сатирикону“. Если нашъ читатель не будетъ заливатьсѣ дикимъ хохотомъ, то это не потому, что Сатириконцы не могли написать смѣшное (Господи! Мы-то?..), а потому, что гражданину россійскому все гавно невозможно хвататься отъ смѣха за животики, когда ихъ у всѣхъ подвело.